

КРОКОДИЛ

№ 11 Москва. Апрель 1934
Изд. газ. „Правда“

К 556

13

1 МАЯ

ВОТ ОНО САМОЕ ЛУЧШЕЕ УКРАШЕНИЕ МОСКВЫ Рис. М. Черемных

Изучение преступности имеет свой интерес.

Весьма поучительно следить, как обзаводится политическим, агитмассовым инвентарем германская фашистская партия.

На заре своих дней, уповая на успех среди социалистических интеллигентов и рабочих, теоретики из штурмовых отрядов назвали свою партию социалистической.

Этого оказалось мало.

Тогда прибавили еще одно слово.

Получилось вместе:

Национал-социалистическая германская рабочая партия.

На всякий вкус, на всякого потребителя. Кто хочет, записывайся в «национал», кто хочет,— в «социалистическую», кто хочет,— в «рабочую» или хотя бы просто в германскую партию.

Не пришлось организаторам особенно возиться и со своим партийным флагом. Зачем выдумывать, зачем создавать новые знамена, когда можно пристроиться к тому, что уже в ходу, что популярно, что привычно и любо рабочему глазу.

В ПЕРВОМАЙСКИЕ ДНИ

Рис. Л. Гонча

2 Завод, украшенный пышно, но плохо...

С очаровательной простотой карманных воров господ Розенберг и Геббельс установили своим официальным знаменем красный флаг. Только посередине его, в белом кружке, поместили рогатый крест.

Издали это в глаза не бросается, издали виден только красный цвет. Можно подумать, что это что-нибудь путное, хорошее, что-нибудь революционное, рабочее. А подойдешь ближе — свастика, фашисты, мразь, сволочь.

Уголовные навыки легче приобрести, чем оставить. Известны случаи, когда воры-взломщики, став миллионерами и принципиальными сторонниками собственности, по старой привычке, совершенно машинально лазили в свои собственные несгораемые шкафы по ночам, с ломом и отмычками, с потайным фонарем, на дыпочках.

Но, конечно, воровские ухватки у властительных фашистов — это не от машинности. Это — от неуверенности в себе, от пугливой оглядки, от неприкрытого страха перед поработленным, придавленным, но готовым каждую минуту распрямиться врагом — рабочим классом.

Как бы этого врага отвлечь, рассеять, помутить! Как бы обмануть его лоскутком материи, листком бумаги, привычным лозунгом, знакомым словом!

Штурмовые пропагандисты пошли старым, проторенным путем.

Международный пролетарский праздник — день Первого мая — они решили присвоить себе. Первого мая прошлого года в Берлине, на Темпельгофском плацу состоялся торжественный фашистский парад под лозунгом «День германского труда»... Козыряли друг другу ярко начищенные вахмистры, верещали Геббельсы и Розенберги, полыхали красные флаги, продырявленные крючковатым фашистским крестом.

Лишенные большевистских газет и журналов, немецкие рабочие отворачивали лица от газетных киосков, обвешанных фашистским чтивом.

Министерство пропаганды надумало новый ужасно хитрый маневр. Оно начало выпускать поддельную «АИЦ» и поддельную «Вельт ам Абенд», используя названия и тип популярнейших в Германии пролетарских иллюстрированных изданий.

Далее — штурмовые отряды маршируют по улицам с пением «Смело, товарищи, в ногу». Рабочие бегут к ним, услышав знакомую мелодию. Но вблизи оказывается: мелодия революционная, а слова — хулиганские, бандитские, фашистские.

Наконец, — наконец ли? — германская фашистская партия к новому, к нынешнему Первому мая выпустила массовый значок, на котором под портретом Гете заботливо уложены серп и молот.

Длинные же, однако, руки у господина Геббельса. Куда еще дальше протянутся они? Что еще предстоит увидеть на геринговских парадах? Вместо коричневых рубашек — красные, с мелкой свастиковой вышивкой? «Интернационал» — с новым текстом унифицированного господина Зеверинга? Не будет ли объявлено национал-социалистическое соревнование опытно-показательных книгосожигательных пунктов?

Фашистские издательства приспособливают для своих целей старые детские сказки. Не знаем, присвоена ли и история о «Красной шапочке». Не советуем этого делать. Нехорошо получается.

Приходит «Красная шапочка» в избушку, а фашистский коричневый волк уже съел бабушку и кокетливо щурится с широкой кровати.

На коричневом волке — первомайский значок с серпом и молотом, в руках он держит «Вельт ам Абенд» и «АИЦ».

— Бабушка, а что там торчит из-за подушек?

— Это пушка, деточка. Малышам на забаву.

— Бабушка, а почему тут гарью пахнет?

— Ненужные книжки сжигали, деточка. Гейне, энциклопедический словарь, учебник физики, атлас Европы.

— Бабушка, а почему у тебя лапы в крови?

— Ребятишек к Первому мая принаряжала. А они, глупенькие, возьми да и кричат «долгой фашизм». Ну, я их погладила.

Все-таки чужое добро впрок не идет. И под ворованным значком, и под лживым названием, и под фальшивым газетным заголовком немецкая «Красная шапочка» легко опознает разбойничьи когти коричневого волка. Крепнут руки, точатся ножи, еще недолго, — распоротое брюхо хищного скота освободит все то, что он проглотил.

МИХАИЛ КОЛЬЦОВ

В ПЕРВОМАЙСКИЕ ДНИ

... И завод, украшенный скромно, но приятно.

„ВЕДУЩАЯ ОСЬ“ АПУЛЕЯ

Вы удивляетесь: «Ведущая ось» Апулея! Чтобы это могло означать?

«Ведущая ось» — не так давно выпущенный роман советского писателя Ильенкова, в котором изображается героическая борьба рабочего класса за советский паровоз. Апулей — римский поэт и ритор, африканец по происхождению, родился в 125 году после рождения Христа, — автор известной, непристойной, хотя и классической сатиры «Золотой осел».

Какие же таинственные нити связывают Люция Апулея с В. Ильенковым?

— Творческий метод, — догадывается читатель. — Нарочно придуман оригинальный заголовок, чтобы завлечь читателя и заставить его прочесть статью...

Предположение безусловно неверно: заголовок взят «с натуры». Вот его происхождение.

Вообразите молодого делового человека. Он сидит в кабинете, он завален сводками, рапортами, планами, картотеками. Волосы взъерошены, чай остыл, бутерброд засох.

Входит посетитель. У него просьба к занятому человеку: не может ли товарищ помочь крупному заводскому комсомольскому коллективу составить план организации кружка по изучению художественной литературы? Тяга к книге огромна, но чтение проходит без системы. Нужны руководитель, совет, направление.

— Еще бы! — подтверждает молодой деловой человек. — Художественная литература — огромное дело! Я сам по себе знаю: на той неделе два дня и две ночи не мог оторваться от «Поднятой целины» Гоголя.

— Гоголя?!..

— Да... — занятой человек нахмурил лоб. — А вашу инициативу надо всячески приветствовать. Это факт. Составьте планчик, а я его мигом просмотрю. Пока!

Планчик был составлен в тот же день.

— Вот это хорошо, вот это по-комсомольски, — приветствовал деловой человек посетителя. — Вот это оперативность! И стал читать план.

— Так... Так... Так... Что ж, осо-

бых возражений нет. В основном — вы на правильной линии. Утверждаю.

«Утверждаю», — вывел резолюцию деловой человек и подписался — И. Сипов.

А в плане было написано вот что:

1. Первую беседу о литературе провести 28 февраля 1934 г., для чего в качестве руководителя пригласить комсомольского композитора Ивана Кулика.

2. Купить и распространить среди комсомольцев следующие книги:

а) «Бруски» Панферова — книга в ярких чертах и здоровой большевистской композиции показывает героическую борьбу комсомольской бригады на строительстве Днепростроя;

б) «Ведущую ось» Апулея — книга ярко рассказывает о классовой борьбе на селе в период 1931 года;

в) Грибоедова (название книги выяснит). Рекомендовать Грибоедова потому, что автор сумел в очень образной форме показать борьбу комсомола за овладение высшей техникой наших социалистических полей.

3. Из поэзии рекомендовать пока:

а) «Повесть о рыжем Мотеле» Баргидского;

б) «Выстрел» Заславского;

в) «Серенаду» Некрасова.

Не рекомендовать:

Пушкина как трудного для чтения комсомольцам и неинтересного.

4. Из классиков рекомендовать: Чайковского и Прибоя.

— Пока! — потряс крепко руку посетителю молодой деловой человек.

— Желаю успеха. Пока!

Как видите, заголовок статьи действительно не придуман, а взят из действительного документа. Копия этого документа хранится в Харькове, в одной из многочисленных папок Ленинского райкома комсомола, в чем также не трудно удостовериться. Что касается И. Сипова, то это не кто иной, как сам заведующий культпропом Ленинского райкома комсомола, духовный, так сказать, воспитатель молодежной массы одного из крупнейших районов столицы Украины.

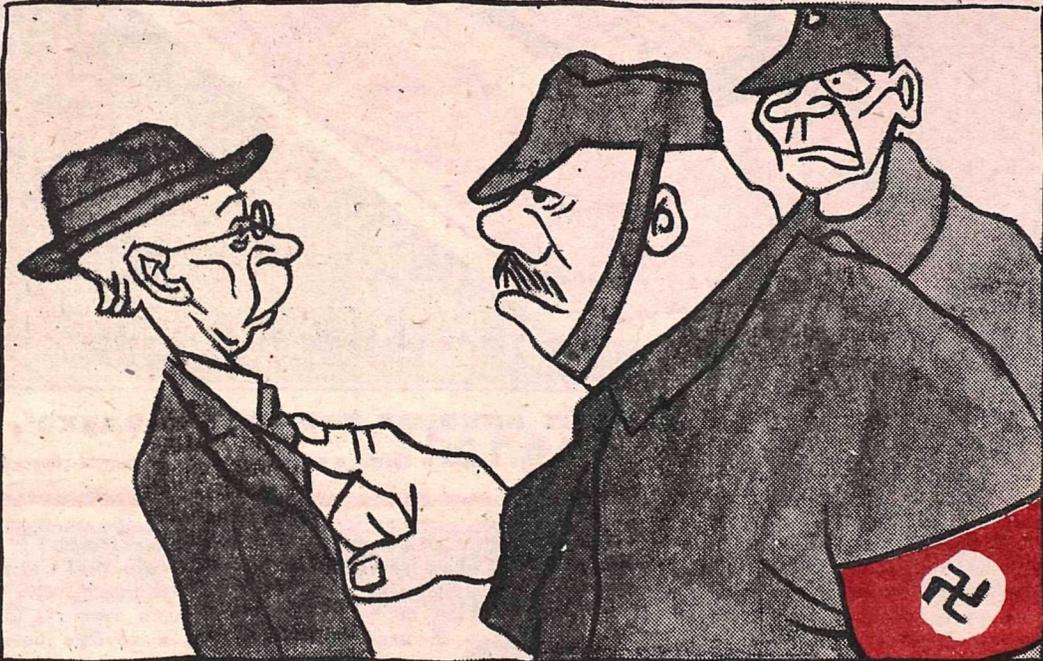
Все разъяснилось к лучшему...

Неизвестным осталась только автор «литературного планчика», нарочно составленного шиворот-навыворот, чтобы проверить грамотность завкультпропом. Но это уже не столь важно, не правда ли?

А. АГРАНОВСКИЙ

БОЛЕЗНЕННЫЙ РОСТ ТИРАЖА

Рис. Л. Бродетты

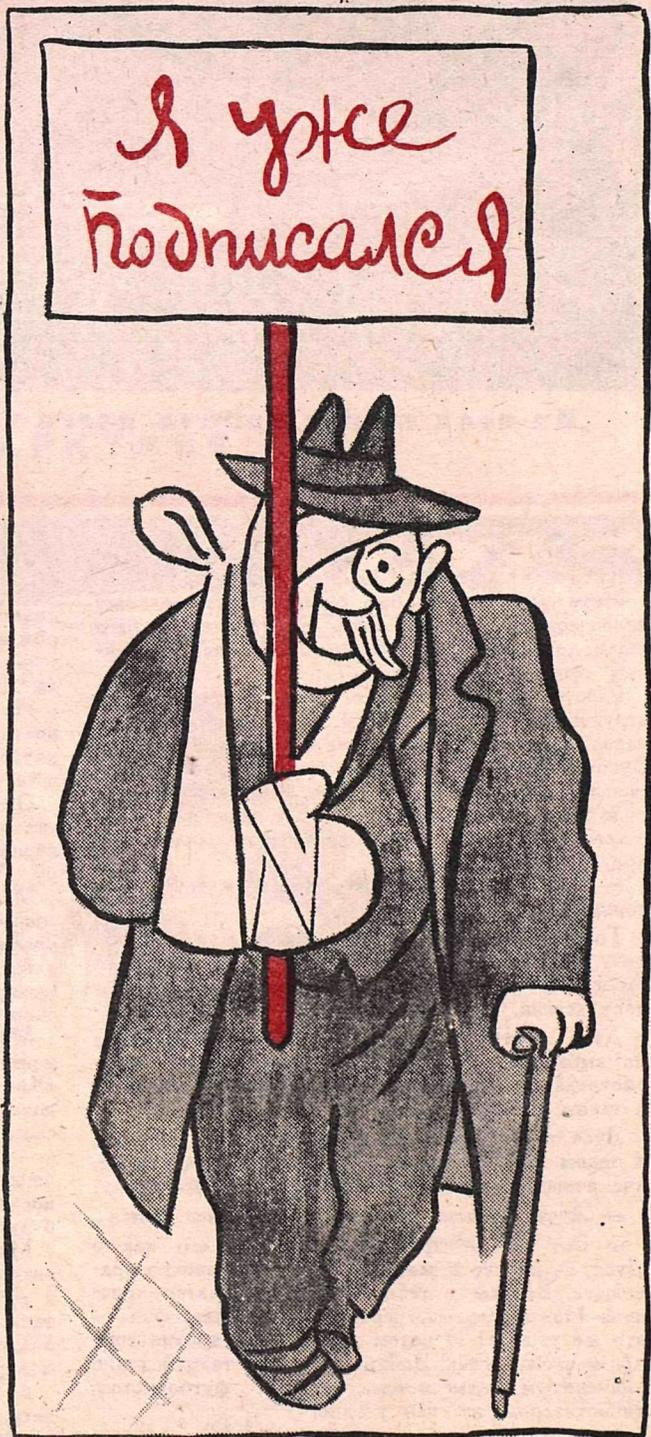

— Судя по вашему лицу, вы еще не подписались на нашу газету!

— Примите подписку и выдайте ему квитанцию!

Тираж фашистских газет в Германии катастрофически падает. Подписка проводится насильственным порядком.

„Из всех валют крепче всего та, которая выше поднимает аппарат тяжелее воздуха“,

заявил знаменитый авиоконструктор Луи Блерио в беседе с парижским корреспондентом „Правды“.

РЕКОРД

Митрофан Кусочин был беспартийным молодым человеком 22 лет от роду. Наружность у него была довольно ординарная, способностей особенных тоже не наблюдалось.

Работал он на кишечном заводе техником-инструктором. Это был старый, плохо оборудованный завод, доживавший последние свои дни. Митрофан Кусочин несколько стыдился своей профессии. Временами ему казалось, что работа на кишечном заводе даже как-то унижает его. Его коробило, когда весельчак-директор с хохотом провозглашал боевой лозунг кишечников:

— Товарищ, следи, чтобы кишка у тебя была тонка!

Товарищ Кусочин был влюблен в Дусю Курчавину, жившую на Арбате. Они любили гулять по Арбату в морозный день, когда, вальсируя, падает легкий, сухой снег.

Дуся, одетая в роскошную меховую кофточку из амбарной крысы, подделанную под леопарда, смотрела на Митрофана свысока. Она мечтала не о таком женихе.

Дусе грезнились стратостатчики и каракумщики, а рядом шел Митрофан в стандартном пальтишке, анемичный и тихий, и бубнил одну и ту же фразу:

— Дуся, пойдем, что ли, в загс, распишемся...

— Вот что, Митрофан, — сказала ему как-то Дуся, — ты мне в основном и ориентировочно нравишься. Волосы у тебя ничего, и характер хороший. Но, во-первых, переимени имя. Митрофан — это же ужасно! И потом займись чем-нибудь еще, кроме своих кишек. Займись спортом, танцуй, стань знаменитым шахматистом, что ли, футболистом, гипнотизером, ну, кем угодно.

Митрофан скорбно поник головой.

— Срок какой? — спросил он глухо.

— То-есть, как это срок какой?

— Срок исполнения какой? — сказал Митрофан. — За какое то-есть время я обязан стать знаменитым футболистом, шахматистом, гипнотизером и еще чем-нибудь?

— Месяца, я думаю, вполне достаточно, — решила Дуся.

На следующий день Митрофан записался в легкоатлетический кружок и стал ежедневно бывать в клубе, где совершенствовался по прыжкам. Он решил стать знаменитым прыгуном.

Он практиковался в прыжках всюду. Дома прыгал через столы и стулья. Смущая милиционеров, переходил улицу гигантскими прыжками, как кенгуру. Любовь стала двигателем физкультуры.

Митрофан познакомился в клубе со многими спортсменами и спортсменками. Особенно ему понравилась одна парашютистка — Наташа.

Настал вечер решительного состязания. Клуб пишевиков был переполнен. Пришел даже репортер спортивной газеты.

Митрофан прыгнул на 5 сантиметров дальше знаменитого Кувшинникова третьего, и репортер «Красного спорта» заснял триумфатора в трех видах. Подошла Наташа и, сияя розовой улыбкой, сказала:

— Поздравляю от всей души. Теперь вы должны посмотреть, как я прыгну. Заходите за мной послезавтра, вместе поедем на аэродром. Я вас буду ждать у Смоленского рынка.

Митрофан пошел на Арбат на час раньше назначенного срока. Он решил по дороге забежать к Дусе Курчавиной. Арбат гремел и сверкал. Дул теплый ветер. Пахло от него далекими морями. У Старо-Конюшенного Митрофан встретился лицом к лицу с Дусей Курчавиной.

— Митрофанчик, поздравляю, я уже читала газету, — сказала Дуся, — я горжусь тобой, Митрофанчик. Теперь тебе остается только переименовать имя. Я хочу, чтобы ты звался Альбертом.

Митрофан посмотрел на нее с сожалением.

— И не подумаю! Митрофан — это имя! Скажи, Дуся, ты когда-нибудь прыгала с парашютом?

— Нет, не прыгала, — испуганно ответила Дуся. — У меня сердце слабое, я вообще боюсь прыгать.

— А плавать ты умеешь? Бегать на лыжах? Править автомобилем? Играть в шахматы? А решения 17-го съезда ты проработала? Тоже нет? Жаль, жаль! Советую выбрать из этого ассортимента какое-нибудь занятие для себя. Иначе пропадешь и выйдешь замуж за дантиста с частной практикой.

И сделав ошеломленной Дусе ручкой, он помчался к Смоленскому рынку.

У Смоленского Митрофан встретил Наташу, и они пошли вместе.

— Между прочим, Митрофан, — спросила Наташа, — где вы работаете?

У Митрофана замерло сердце. Ему стало страшно.

— На кишечном заводе «Освобождение», — пролепетал он.

Наташа обрадовалась.

— Вот здорово. Значит, мы на ваших кишках работаем. Я ведь с колбасной фабрики «Красная Роза». Могу сказать, что ваша кишка ничего. То-ка. Годится!

— Еще бы, — гордо ответил Митрофан. — Ваша колбаса тоже не плоха. В особенности краковская.

Наташа деловито нахмурила брови.

— За последний месяц мы здорово нажали на качество. Я, между прочим, перехожу на новый мяскокомбинат. Вас не перебрасывают туда? Там будет шикарный кишечный цех. Вместе бы работали!..

— Все может быть, — загадочно ответил Митрофан и взял девушку под руку.

ЛЕОНИД ЛЕНЧ

ТЕПЕРЬ ДАВАЙТЕ ПОШУТИМ, ТОВАРИЩИ ЧЕЛЮСКИНЦЫ!..

КОНЕЦ ОДНОЙ ТРАССЫ

Рис. К. Ротова

Остановка перенесена в Уэллен.

ПРОФБОЛЕЗНЬ

Рис. Ю. Ганфа

— Герои-то они герои, а вот сколько месяцев членские взносы в союз не платили...

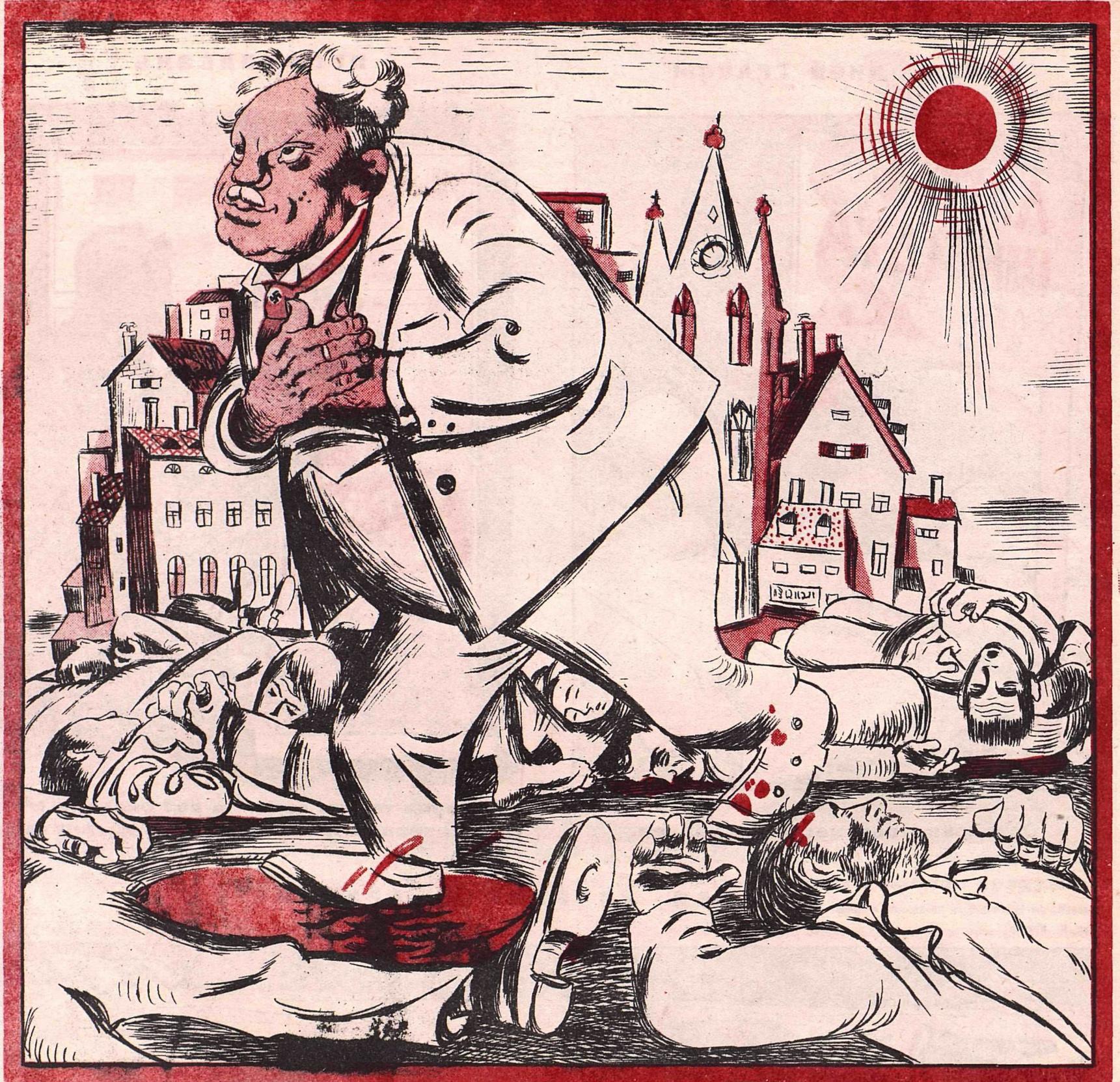
ГОРЯЧАЯ ВСТРЕЧА В АРКТИКЕ

Рис. К. Ротова

Все население Ванкарема высыпало навстречу челюскинцам. (Население — справа).

К.Р. 34.

МОЙ ПУТЬ К ГИТЛЕРУ

ПРИМИТЕ И ПРОЧ ЕДИНСТВЕННЫЙ ВЫХОД

Популярный своими теориями «улучшения расы» проф. Конти официально заявил на съезде германских врачей:

«Многие из вас забывают принцип расизма в медицине. Некоторые лечат больных, не разбирая, кто они, немцы, китайцы или негры. Мы не можем с этим примириться».

Больные мирятся с этим еще неохотнее. Разве не жутко из-под ножа одного фашиста попасть под нож другого?

ПРОПАГАНДА СОСИСКАМИ

У немецких сосисок появилась новая идеологическая нагрузка: она теперь уже нечто вроде знамени чистого арийства.

В одной из крупных берлинских газет напечатано следующее объявление:

«Если вы настоящий немец, вы не имеете права есть не немецкие сосиски. Настоящие немецкие сосиски это те, которые производятся фирмой Шюлля по старогерманским рецептам, утвержденным департаментом народного здравия».

Есть еще и новогерманский способ изготовления сосисок. Это, когда колбасная фабрика ломается, а население вообще не ест сосисок, потому что не имеет средств. Способ я менее сложный и более распространенный в фашистских условиях.

ФИЛОСОФИЯ В СТРОЮ

На конгрессе философов в Магдебурге проф. Ахелис заявил звучным, недрожащим голосом:

«Новый германский университет будет культивировать дух штурмовых отрядов».

Особенно, наверное, на медицинском факультете. Нельзя же, чтобы молодые люди резали, хотя бы и покойников, без соответствующей национальной зарплатки.

РУБАШКА ДУХА СВЯТОГО

По разъяснению мекленбургского евангелического совета

пасторы могут носить коричневые рубашки и национал-социалистские значки танже и во время богослужения.

А если им еще разрешить арестовывать неправых грешников и изредка постреливать в неаккуратных прихожан, чего же еще нужно старому немецкому богу?

СПЕЦИАЛИСТЫ ПО ОПРЕДЕЛЕНИЮ СУДЬБЫ

В издающейся в Харбине газете «Харбинское время» помещен ряд таких объявлений:

«Хиromантка-окультистка. Друг тоскующих. Предсказываю по линиям рук, на планетных картах, по почерку и по фотографическим карточкам. Просьба не смешивать с гадалкой...»

«Хиromантка-предвидящая А. И. Банасевич. Тайна раскрыта. Могу в короткий срок с ругательством вернуть неверного мужа, друга и любимого человека, местонахождение моих безразлично. Не имею ничего общего с колдовством и привораживанием...»

«Хиromант-окультист М. Тарновский. Научно определяю судьбу (хиromантия, астрология, графология, френология, черная и белая магия...)».

Еще совсем недавно фашистские газеты помещали статьи, в которых «научно» определялась судьба челюскинцев и доказывалось с картами (планетными) в руках, что все челюскинцы неминуемо должны погибнуть.

Надо полагать, что в числе авторов этих статей были «хиromантка-предвидящая» А. И. Банасевич и хорошо разбирающийся в астрологии и френологии окультист М. Тарновский...

КРЫМСКАЯ ПАНТОМИМА

Горы стояли. Долины лежали. Облака плыли. Море плескалось. Ущелья тоже чем-то занимались. Словом,—старый, на практике проверенный крымский пейзаж.

Но крымский пейзаж был бы не полным и мало одушевленным без товарища Леви, редактора «Красного Крыма».

Редактор сидел. В кресле. Мыслил.

О чем мыслит редактор, сидя ранней весной в кресле? Сами понимаете: весенние благоухания, игривое настроение южного солнца, рокот горных ручьев и законченная передовая в текущий номер газеты. Хорошо жить на свете! В такой момент можно подумать о кадрах. Нет подходящих газетных работников. Ах, как они нужны! Ах, как...

Открывается дверь кабинета. Входит молодой человек. Кладет на стол бумажку. Редактор читает. Приезжий молодой человек, опытный газетный работник, прекрасно владеющий искусством литературной обработки, просит предоставить ему работу в редакции «Красного Крыма».

Честное, открытое и хорошо выбритое лицо. Грустные глаза. Милая застенчивая улыбка. И такой внушающий доверие клочок волос, декоративно ниспадающий на лоб.

«Гм... кажется, подойдет. Производит отрадное впечатление. И по лицу видать—опытный газетный работник. Вот именно такого мне и недостает».

— Садитесь. Где вы раньше работали?

Молодой человек в ответ смущенно улыбается. Затем начинает мычать и выделывать пальцами обеих рук какие-то странные манипуляции.

Редактор испугался было. Не умалишенный ли? Но молодой человек схватил со стола блокнот и написал записку:

«Я—глухонемой с 1932 года. На почве сильной невращенности. Зовут меня Давид Бенцион. Работал во многих крупных провинциальных газетах. Имею лучшие отзывы. Но вреден север для меня. По совету врачей мне полезен южный климат, синее небо, голубое море и хороший оклад».

Редактор успокоился и написал глухонемому записку:

«Покажите ваши документы».

Глухонемой ответил:

«В Симферополе на вокзале меня обокрали. Остался без копейки денег, без паспорта и прочих документов. Могу сообщить о себе следующие данные: год рождения—1909, уроженец гор. Киева. Десять лет работал метранпажем в Харькове, а потом литературным сотрудником. Круглый сирота».

«Невероятный, но весьма оригинальный случай. Глухонемой журналист! Но бывают же близорукие редакторы и хромые передовики. Пусть будет и глухонемой литсотрудник. Это даже лучше. Шуметь не будет. С разговорами не будет приставать. Обругать можно, не услышит. Ты его крой последними словами, а он тебе благодарно будет улыбаться. Вот кабы все в редакции оглохли!..».

Глухонемого зачислили на работу и прикомандировали к сельскохозяйственному отделу. Пушай борется за поднятие урожая!

Бенцион стал всеобщим любимцем. Заведующий отделом Гладких не мог нарадоваться своим новым сотрудником! Вот это работник! Слова лишнего не скажет. А какая обработка материала! Какое прилежание! Побольше бы таких глухонемых!

Глухонемой все более и более завоевывал сердца. Словно Александр Македонский, он смело шел по путям побед и настолько подчинил всех своему влиянию, что вскоре его способ изяснения стал общепринятым в редакции. В дипломатическом мире господствует французский язык. В музыкальном—итальянский. Что касается редакции «Красного Крыма», то там стал прочно входить в обиход язык немых—мимика.

Редакционная жизнь превратилась в пантомиму. Сотрудники разговаривали между собой при помощи пальцев и страшных гримас.

Если редактор показывает кулак и тут же выхватывает из письменного стола пачку карандашей и коробку перьев, это значило—надо дать «шапку»:

«Кулак расхищает общественное добро».

Если сотрудник ржал и при этом сразу делал обиженное лицо,—это значило—он предлагает заголовок:

«Против недооценки конского поголовья».

Редактор все более привязывался к глухонемому. Редактор мучился:

— Такой молодой и стройный кипарис, а похож на немое кино. Надо его лечить.

Лучшие симферопольские врачи энергично приступили к делу. Пустили в ход все достижения новейшей техники: электричество, примочки и припарки. Мочили Бенциона в каких-то ваннах с особым раствором. Делали ему самые эффективные массажи.

Жизнерадостный глухонемой еще более повеселел. Он даже оповестил своих друзей в редакции, что лечение ему впрок пошло. Правда, номота не проходит. Но зато слух начал улучшаться.

Все радовались и говорили о величии науки вообще и симферопольских врачей—в частности.

Однажды глухонемой пришел к редактору. И письменно сообщил ему о своем желании прикоснуться к земле: он хочет поехать в командировку в колхоз.

Товарищ Леви попытался было усмириться: удобно ли посылать в колхоз глухонемого корреспондента? Но Бенцион с молниеносной быстротой рассеял его сомнения. Главное, надо иметь нюх и классовое самосознание—все это есть у него. Надо иметь острый глаз, который бы на расстоянии двухсот шагов разглядел подкулачника, вот именно такой глаз у него, у Бенциона.

В тот же день глухонемому было выдано командировочное удостоверение:

«Предъявитель сего, сотрудник редакции

«Красный Крым» Бенцион Давид, командировается по делам редакции в Бюк-Онларскую МТС.

Просьба ко всем организациям и лицам, в виду того, что т. Бенцион является ГЛУХОНЕМЫМ, проявить по отношению к нему особое внимание, заботу и чуткость».

Бенцион получает аванс в счет заработной платы, командировочные, получает деньги из страховых кассы взаимопомощи, нежно прощается с товарищами по редакции и, сопутствуемый их мимическими добрыми пожеланиями, отправляется на ранний сев.

Прошло несколько дней. Звонят в редакцию. Но не из Бюк-Онларской МТС, а из противоположной стороны Крымского полуострова—из Ялты. Редакцию извещают о том, что какой-то глухонемой с мандатом редакции на имя Давида Бенциона ходит по ялтинским учреждениям, собирая деньги, объявляя, что его обокрали.

Ответственный секретарь редакции Колесниченко сразу догадался в чем дело:

— Попал в Ялту, а не в МТС, глухонемой—вот и заблудился. Ну, конечно, и обокрали. К нему лезут в карман, а он ничего не слышит: глухой!

На этом и успокоились. Но через несколько дней пришло другое сообщение из Ялты. На этот раз от уголовного розыска.

Редакция «Красного Крыма» ставилась в известность, что в Ялте задержан некий Д. Бенцион с документами «Красного Крыма». При допросе оказалось, что он не глухонемой, а, наоборот, обладает прекрасным слухом. В одиночной камере распевал песни. При чем у арестованного, по свидетельству угрозыска, оказался весьма приятный баритон. И что у этого приятного баритона—солидное уголовное прошлое...

Тоска. Серые будни. Не стало в редакции симпатичного глухонемого.

А вообще—все попрежнему. Горы стоят. Долины лежат. Море и прочие курортные атрибуты—на своих местах.

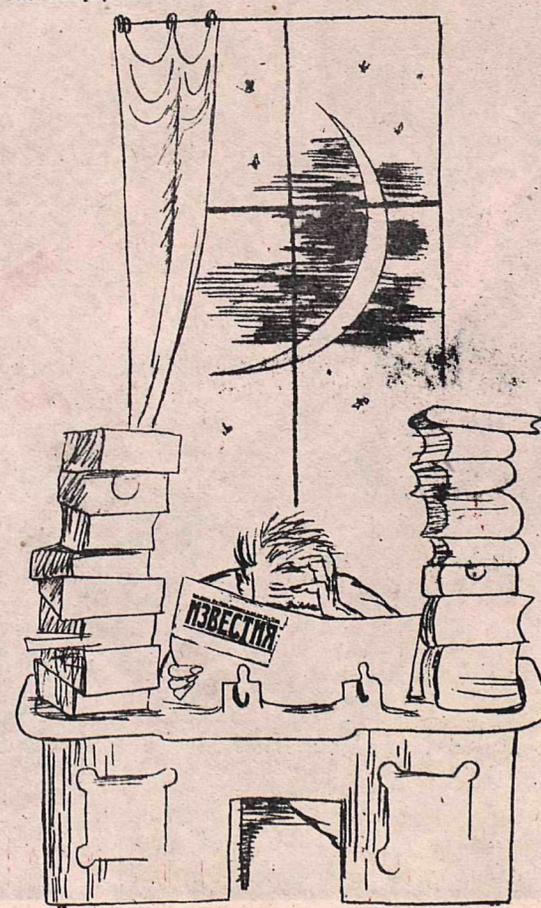
И попрежнему редактор сидит в кресле. Мыслит.

Он только что закончил передовую о бдительности. Вот он сидит, устремив через окно свой взор в голубую маяющую даль, и думает. Думает о кадрах.

Г. РЫКЛИН

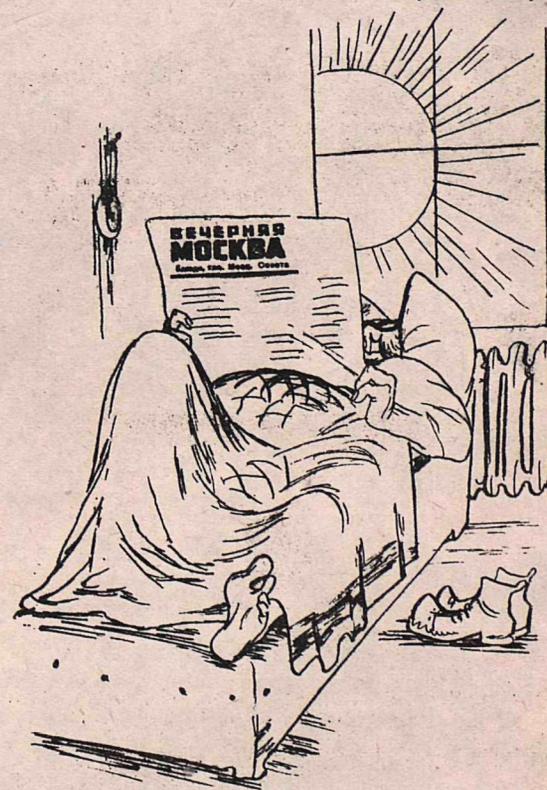
РОКОВАЯ НАРКОМСВЯЗЬ

Рис. Сейфертиса

Утренние «Известия» приходят к московскому читателю, когда «от лунного света зардел небосклон» и...

«И удивленные народы не знают, что начать: — Ложиться спать или вставать?» (Из классиков)

«...», «Вечерняя Москва», о которой поэт предусмотрительно сказали «Я пришла к тебе с приветом, рассказать, что солнце встало».

Так шествует мятежный человек вперед! И выше! Все вперед и выше!

(М. Горький. „Человек“)

ЖИЗНЬ НА АГИТСАМОЛТЕ „МАКСИМ ГОРЬКИЙ“

ИЛИ

СТРАННАЯ КАРТИНА
ПОЛНОЙ ОТОРВАН-
НОСТИ ОТ ЗЕМНОГО
БЫТА

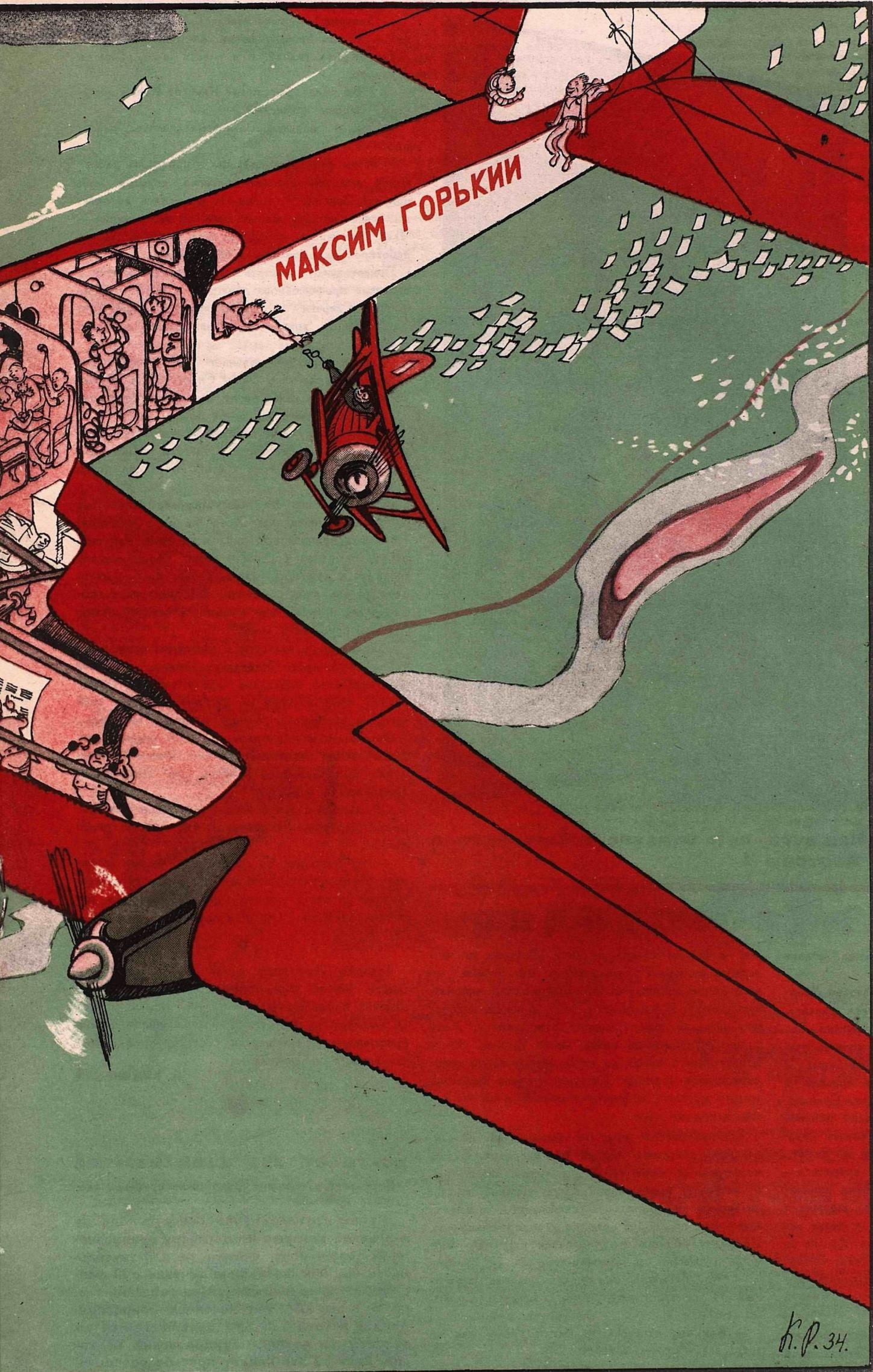
Как видит внимательный читатель, весь агитсамолет построен в плане острой, конкретной сатиры на наши земные неполадки. Неувязки, узкие места и т. д. И на нашем рисунке изображен он со всеми деталями, какие в нем есть. Вот, например, в левом крыле типография. Обыкновенная типография, а во-время выпускает газету, и читатель во-время получает ее, что возможно только на больших высотах над уровнем океана. Чем ближе к земле, тем это труднее. И курьерша не сердится, а подметает пол. Экипаж читает стенгазету под названием „Буревестник на крыльях“. И тут же буфет с ехидными подробностями: чистые салфетки, цветы без окурков и даже вкусная пища. И на пол никто не плюет,—не хочется. Не тянет, как на земле. А дальше за буфетом кинокартину делают. Новую и без перерасходов против смет. И тут же ее можно демонстрировать без четырехлетней давности. А радист принимает волны. Обыкновенные мелкие волны, без объяснений, что атмосферные осадки — это гнусное наследие проклятого царизма. В правом крыле своя жизнь. Проявляют фото. Тут же на месте. И не говорят снимавшимся: „Зайдите через две недели“. За электричеством следят. И ничего — горит, не тухнет. Это не железнодорожный вагон. Сбоку спят. И, конечно, кто-то уже стучит в дверь, почти как на земле, а в соседней комнате собрались люди. Пьют хороший чай. И художник рисует для газеты. Хорошо рисует. В тропосфере это возможно. Дальше — два пилота ведут самолет куда надо. И не останавливают его на воздушных тупиках.

В передней рубке члены горкома писателей играют в шахматы и обдумывают большие полотна из воздушной жизни. Со стены смотрит на них Алексей Максимович и напоминает насчет грамотности, языка и других неувязок и ножиц.

А на самом хвосте сидит человек и удивляется. И вполне естественно. Мы тоже удивляемся, как можно было в такой короткий срок построить лучший в мире гигант-самолет.

Рисовал самолет со всеми деталями художник К. Ротов. Создавали самолет в натуре —

ВСЕ ТРУДЯЩИЕСЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА.

Фотомонтаж Б. Клипча

НИКИТА ИЗОТОВ: — Кажется, еще недавно я был один, а теперь сколько нас — Изотовых!

Д В О Р Ц О В А Я И С Т О Р И Я

Товарищ Павлушкин залпом выпил стакан остывшего чая и продолжал:

— А в Минске довелось мне побывать во Дворце труда. Замечательный дворец! Так сказать, штаб профсоюзного движения в Белоруссии. Все профсоюзные центры в этом дворце помещаются. А порядок там, аккуратность — исключительные. Я вот сам проверил в первый же день приезда в Минск. День весенний — апрель начался. Солнышко светит, птички поют — хорошо. Я даже про болезнь свою — почки у меня большие — совсем позабыл. Веселый, жизнерадостный, вхожу во Дворец труда. Не успел до второго этажа добраться — чувствую, что не могу дальше идти. Мне, извините, уборная на минуту потребовалась. Совершил я тут же небольшой пробег по этажу и в конце коридора вижу — невзрачная такая дверца. Краска на ней облупилась давно, а табличка имеется: «Уборная». Радости моей не было конца. Широким жестом толкнул я дверь — не открывается. Рванул дверцу к себе — не поддается.

Ишь, ты, думаю, неудача какая — занята, значит, уборная. Побегу-ка я на третий этаж. Бежал, сами понимаете, как. И тяжесть такая на душе и прочее. Добежал. Рванул — не открывается заветная дверь. И здесь, значит, занята.

Дальше уже не бегу, а несусь. Мелькают мимо меня одни только таблички профсоюзные на две-

рях, и больше ничего не вижу. Добежал до четвертого этажа — и здесь заперто. Вот, думаю, до чего может не повезти человеку в такую неприятную минуту. А уж колет в боку, и всякие нехорошие видения перед глазами открываются. Хоть плачь! И стоять на одном месте трудно; стал я в круговую с этажа на этаж летать вроде само движущейся торпеды. Скорость развил бешеную, если на морскую перевести — узлов 20 в час. А может, и больше.

Тут заприметила меня на втором этаже сердечная одна старушка, дай ей бог здоровья. Видит, что странный пробег по Дворцу труда совершается. И эстафеты профсоюзной вроде никакой не объявлено, и не гонится за мной никто, а сам я, как будто по доброй воле, по коридорам шныряю. Подходит ко мне эта сердечная старушка-уборщица и ласково так спрашивает:

— Что, батюшка, вид у тебя словно нехороший. И все ты, гляжу, бегаешь, бегаешь. С чего бы это?

— Как же, отвечаю, не бегать, если, как на грех, все уборные заперты.

— А ты, батюшка, отпри. У нас это очень просто. В каждом профсоюзе ключик такой имеется. Как в уборную идти — ключик с собой и...

Ткнулся в ближайшую комнату. На переднем плане сидел немолодой такой профсоюзник и де-

ловито помешивал ложечкой жидкий чай. Вид чая усилил мои страдания.

— Товарищ! — тихо прошептал я профсоюзнику. — Очень прошу ключик, на одну минуту...

Тот поднял голову, и в глазах его прочел я недоброе.

— ... Вы член профсоюза? Какого? Какой профстаж? Взносы уплачены?

— Уп... п... плачены... С восемнадцатого... работпрос...

— А вы куда пришли?! Вы в профсоюз работников животноводческих совхозов, дорогой мой, попали! Поняли? — голос его повысился до октавы, и весь он был охвачен пафосом негодования. — Член работпроса, говорите? Вот, значит, вы в работпрос за ключиком и обращайтесь...

Приготовился я читать мораль профсоюзнику о единстве профсоюзного движения в СССР, но не стерпел и перешел на страдальчески-просящий тон:

— Скажите хоть, где же мой работпрос помещается?

— А у меня, — отвечает профсоюзная личность, — не справочное бюро! Спуститесь в первый этаж, там доска такая висит, на ней все крупными буквами обозначено.

Делать было, сами понимаете, нечего. Понесся вниз, узнал, что работпрос в третьем этаже. Единным махом влетел я на третий, распахнул дверь работпроса и...

Опять неудача. Во всем аппарате работпроса одни только женщины. Хоть бы один мужчина! Ноги мои подкосились, упал я на стул. Работницы просвещения окружили меня. Теряя остатки сознания и мужского стыда, я смог пробормотать одно только слово: ключик. Женщины зарделась румянцем, вручили мне ключик, и вскоре страдания мои подошли к концу.

Правда, дверь заветную я ключиком открыл, но войти было почти невозможно, — до того все было загажено, заплевано. Оно и понятно. Постеронных профсоюзники не пускают, а самих себя чего же стесняться, чистоту какую-то наводить...

Обратно я шел с бодро поднятой головой, победно неся в руках ключик, как символ благополучно закончившегося пробега, как героическую профсоюзную эстафету.

... У выхода снова повстречалась сердечная старушка-уборщица. Увидев меня, она приятно улыбнулась:

— Ну, батюшка, по лицу вижу — все обошлось благополучно. А то наемни у нас двое посетителей не могли ключика достать, пришлось водой их отливать... Очень мучались...

Товарищ Павлушкин умолк. И мы долго еще сидели молча, пораженные изобретательностью минских профсоюзников в их героической борьбе за культуру, за чистоту, за выдержанность членов профсоюзов, осмелившихся посетить штаб республиканского начальства.

Л. РОВИНСКИЙ

ДОКУМЕНТ БЕЗ КОММЕНТАРИЕВ

В редакцию газеты «Труд» было прислано следующее объявление:

„Прошу кто найдет Гундоровскую подводку и возчика которые по договору предназначены возить почту считать не действительными так как последняя исчезла с 20 февраля 1934 и не появляются по сей день т.е. по 10 марта 1934. Вся посевная корреспонденция печати и прочие задерживается из за неподачи подводки Гундоровским колхозом. Вслучай кто найдет просьба сообщить по адресу: г. Каменск Советская № 15.

Бригадир отдела доставки Каменского райотдела связи А. И. Жемчужников". Печать п/о Каменск, Сев. Кавказ.

«Берега Англии очень изрезаны. Взрослые англичане — преимущественно рыжие, особенно на юге, где они охотно играют в крокет и достигают преклонного возраста. На севере, наоборот, они быстро привыкают к туманам, а в центре страны любят королеву Викторню. Поэтому они владеют морями и делают много суков».

Получив эти краткие, но исчерпывающие сведения о британских островах на очередном уроке географии, гимназисты прежнего времени шли домой и читали взапуску

Фенимора Купера и Реднарда Киплинга. И сразу наткнулись на странную игру природы. С одной стороны, — размеренная жизнь взрослого рыжего британца была ясна и безупречна. Поехал человек в Плимут, поиграл немного в крокет, достиг преклонного возраста, оттуда махнул в Ливерпуль погривыкнуться к туманам и вернулся в Бирмингем на покое любить королеву Викторню. Тем более, что берега уже изрезаны и без него. С другой стороны, после Купера и Киплинга — какая-то неувязка. Если англичане действительно такие рыжие и делают много суков, зачем им еще, кроме этого, усмирять индийские восстания? А если они так любят королеву Викторню, тем более еще в центре, и легко достигают преклонного возраста, внеуремку с крокетом и владением морями, с какой стати им сражаться с французами в Америке?

После таких умозаключений маститые третьеклассники относили географию как таковую в разряд чистописания и гимнастики.

Впоследствии они делали инженерами и удивлялись, почему Португалия не находится попрежнему около Мексики. Или докторами, что тоже не проясняло их представления о количестве материков и разнообразии климатов. Величайшая наука — география — тихо вымирала, как старый мамонт, заблудившийся в первобытном лесу. И на клякх его уже чернела казенная надпись:

«Второстепенный предмет».

Мы знаем, для чего нашему советскому школьнику нужна география, и какая она ему нужна. И все же преподаем ее тускло и плохо.

Когда-то Бисмарк во время одного из своих геморроидальных припадков заявил, что он уничтожит Балканы.

Бисмарковское зерно упало на плодородную почву. Товарищи С. Варжанский и Л. Синицкий, авторы учебника географии для советских школ второй ступени, потихоньку и планомерно закончили это спорное задание. Не только темпераментная Испания и путаные Балканы, но и попавшая, как кур во щи, в чужую компанию Скандинавия получила свое по заслугам.

В учебнике на все пять Балканских стран — Югославию, Болгарию, Грецию, Албанию и Европейскую Турцию — выдано 96 строк петита. По девятнадцать строк на брата. Швеция, Норвегия и Дания опоздали даже и к такой скромной раздаче и уныло ушли на страницы с сорока восемью строками на всех на трех. Немногим больше посчастливилось Испания, которая по непонятному капризу судьбы зацепила для одной себя целых 37 строк того же петитного сорта. Сто восемьдесят одна строка — на девять стран. Прямо, можно сказать, куренка выпустить негде...

А в каждой стране — свои изрезанные берега, своя подзолистая почва, свое влияние иностранного капитала, не говоря уже о мелководных реках и плотности населения. Перескочишь на плотность — мелководные исчезают.

С таким широким хозяйством — и на 181 строке! И незадачливым географам остается только голосом, полным мелкого петита, шепнуть озадаченному небывалой уплотненностью знаний школьнику, что в Испания значительное количество атмосферных осадков, в Югославии — наоборот, на Юге — большинство населения не сербы, несмотря на то, что у Исландии с Данией общий король.

И опять получают рыжие англичане, быстро привыкающие в преклонном возрасте к туманам в Ливерпуле. Нето исландский король — не серб, нето в Югославии какая-то неприятность из-за испанских осадков. А тут еще надо во время поспеть к Венгрии. Тоже дожидается со своими тринадцатую строчками. А восемнадцать строк, выданных Португалии? У нее нет своих плоскогорий, сардин, пробкового дуба и английского капитала?

Мужайся, советский школьник. Есть. Но что у тебя останется от этого в памяти, неизвестно.

У маленькой одиннадцатилетней девочки, с тугими косицами и глазами, широко открытыми на мир, спросили о столице Англии. Девочка подумала и тихо, но уверенно ответила:

— Болдуин.

Девочку мягко пожурили. Девочка тут же осознала свою ошибку. Девочка перековалась. И теперь знает, что столица Англии — Лондон. Но на свою беду она выросла — девочке стукнул тринадцатый год — и заинтересовалась Англией. Страна. Интересно знать, какая она. Что, например, в ней растет.

Любопытная девушка заглянула в учебник. Учебник так же тихо и уверенно, как и она когда-то, ответил ей:

«За исключением пустошей, служащих для охотничьих забав английской аристократической буржуазии, естественных луговых пастбищ и небольших запущенных лесков, растительный покров страны имеет культурный характер».

Любопытная девушка вздохнула и стала значительно меньше интересоваться английской страной.

— Но что же там растет? — участливо спросил ее добрый папа.

— Культурный покров, — конфузливо ответила девушка, — наверно что-нибудь лиственное. Для забавы аристократической буржуазии. Не любят они, аристократы, хвойного.

Доброму папе стало жалко удрученную чиновничьим языком девушку. Добрый папа взял учебник и сказал назидательным тоном:

— Дальше будет интереснее. Вот слушай: «В Англии раньше всего капитализм достиг стадии империализма, при котором утвердилось господство финансового капитала; крайне вырос вывоз капитала и завершился раздел всей территории земли между капиталистическими странами». Поняла? — уже несколько упавшим голосом спросил добрый папа.

— Поняла, — уныло ответила тринадцатилетняя обладательница глаз, широко раскрытых на мир, и вздохнула, — я больше не буду.

Потом она узнает об Англии по Ольгив Уэдсли и Вильяму Локку. И это очень плохо. Наврут ей Ольгив с Вильямом. Но не они одни будут виноваты в этом. С тринадцатилетним существом не разговаривают на таком языке.

Мы не против изрезанных берегов, вывоза капиталов, осадков и культурного покрова. Все это надо знать советскому школьнику, но в уже переведенном на удобопонятный язык виде. На хороший советский детский язык. Не прежний, соскокающий о рыжих англичанах, любящих королеву Викторню, а тот, который легко переварить и запомнить. Но мы против 37 строчек для Испания и 13 — для Венгрии. Это уже слишком экономно для той богатой культуры, которую мы хотим дать нашим детям.

АРК. БУХОВ

Бить тех, которые...

Мы — за освоение классического наследства. Но мы решительно против использования прутковского стиля в газетных заголовках. Во-первых, это неужно, во-вторых, это глупо.

Газете «За ударный свиновозхоз» (п. о. «Ударник», врид ответственного редактора Д. Матвеев, 26/III), очевидно, захотелось по-настоящему, со всей прямотой поставить вопрос о том, что собой представляет свинья как таковая. В результате в газете появился такой заголовок:

СВИНЬЯ — МЯСНОЕ ЖИВОТНОЕ

Повидимому, такой четкости мышления позавидовала редакция «Колхозного знамени» (Пустошинский район, Зап. обл., отв. редактор Филиппенко) и решила поднять на принципиальную высоту и корову. И вот в газете (27/III) появился немного мистический, но сильно интригующий заголовок:

КОРОВА С РЕШАЮЩИМ ГОЛОСОМ

Не пожелала остаться в тени и «За большевистские колхозы» (Звенигородский район, отв. редактор Л. Гробер, 2/IV). Мясные свиньи и голосящие коровы сразу должны победить перед заголовком на первой странице:

БАРЖИ ЗАГОВОРИЛИ

А раз в ходу уже говорящие баржи, то редакция «Колхозника» (Нижнеестровский район, отв. редактор Н. Дианов, 30/III) со спокойной совестью и беспокойной неграмотностью предлагает своим читателям крупным шрифтом:

ВЫЖЕЧЬ ЯЗВУ НА СТОЛЫПИНСКОЙ МЕЛЬНИЦЕ

Лиха беда — начало. Поскольку проходят такие заголовки, стоит ли удивляться, что «Вятская правда» (отв. редактор А. Арчишин, 30/III) глубокомысленно заявила в крупном заголовке:

ВОСПРОИЗВОДСТВО ЛОШАДЕЙ — ОДНА ИЗ ГЛАВНЕЙШИХ ЗАДАЧ КАЖДОГО КОЛХОЗНИКА И ЕДИНОЛИЧНИКА

Газета «За коллективизацию» (Моздокский район) против таких спорных утверждений о производстве конского поголовья, но она не прочь обвеселить посевную кампанию таким играющим заголовком (27/IV):

КОЛХОЗНИКИ НА СЕВ, А СКВОРЦЫ В СКВОРЕШНИК

«Выксунскому рабочему» (врид. отв. редактора М. Балашов) юмор не свойствен. Его заголовки построены по типу SOS. Так, в одном из номеров (30/III) газета мрачно оповещает читателей тревожным заголовком:

ЗАТКНИТЕ ПРОБКУ, СЕКРЕТАРИ ТЕКУТ

Газете «На колхозной стройке» (Красноозерский район, Зап. обл., отв. редактор Н. Кондаков) не свойствен не только юмор, но и первоначальная политграмота. Иначе газета не вышла бы 30/III с таким заголовком:

КРАЕВОЙ СЛЕТ ЦК ВКП(б)

Но уже окончательное побивает рекорды газетного разгильдяйства заголовки в газете «Ленинск» (Ивановский обл. комитет ВЛКСМ, отв. редактор В. Начинкин, 10/IV), которая целую подборку статей дает под лозунгом:

БИТЬ ТЕХ, КОТОРЫЕ...

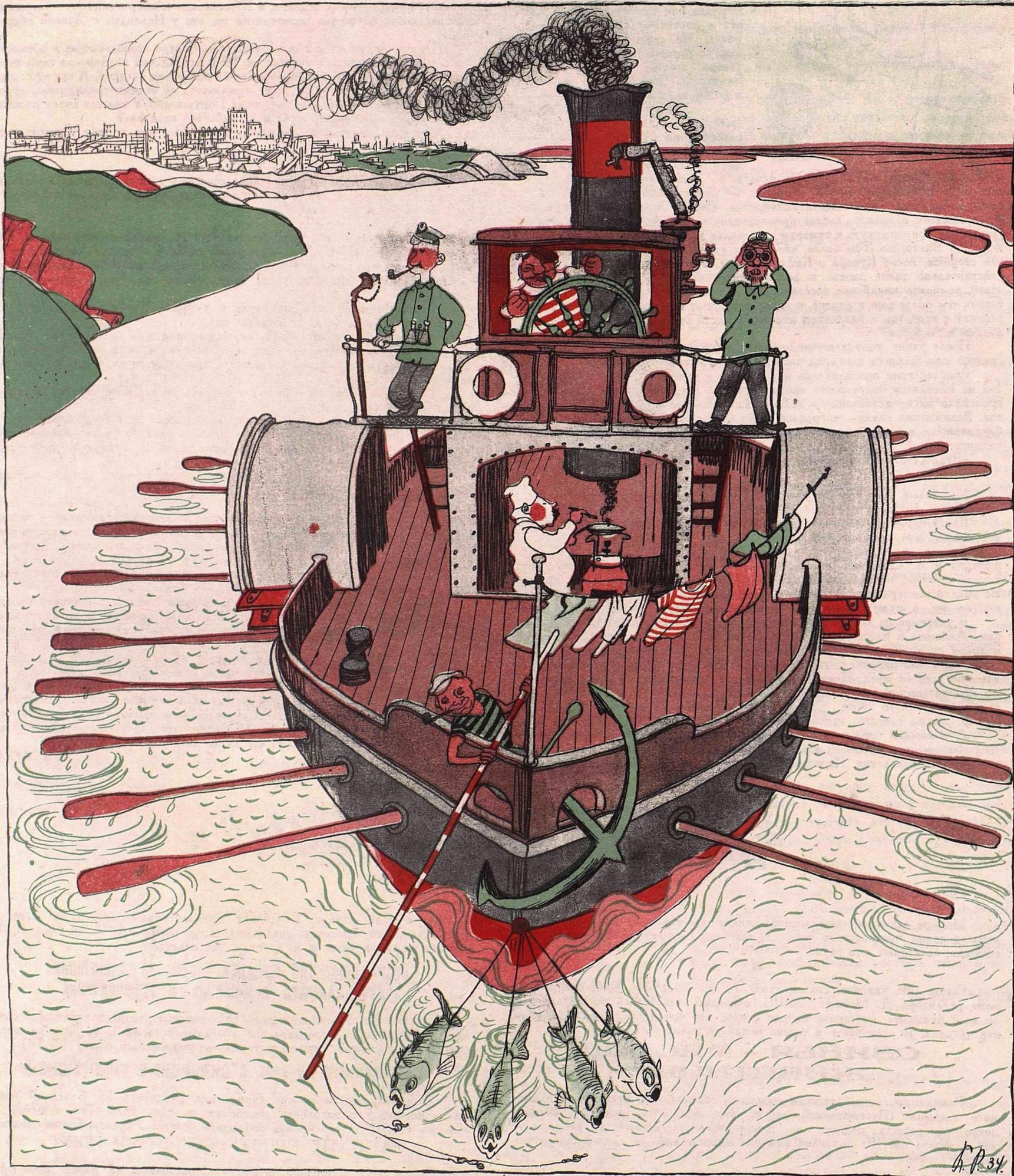
С последним заголовком мы отчасти согласны. Действительно, надо бить тех, которые... Ничего иначе с ними не сделаешь.

БЕЗДУШНЫЙ КОРАБЛЬ

(По М. Ю. Лермонтову)

Рис. К. Ротова

Текст Ш. Пустынина

По синим волнам, без машины,
Страшней самых жутких химер,
Корабль одинокий несется —
Живой разгильдяйства пример.

Корабль густопсовую ленью
Пропитан до самого дна.
Не видно на нем дисциплины,
Халтура же ясно видна...

На палубе — „шляп“ панорама,
Чиновников водных не счесть.
Таких кораблей нет в природе,
Но вроде как будто бы есть!

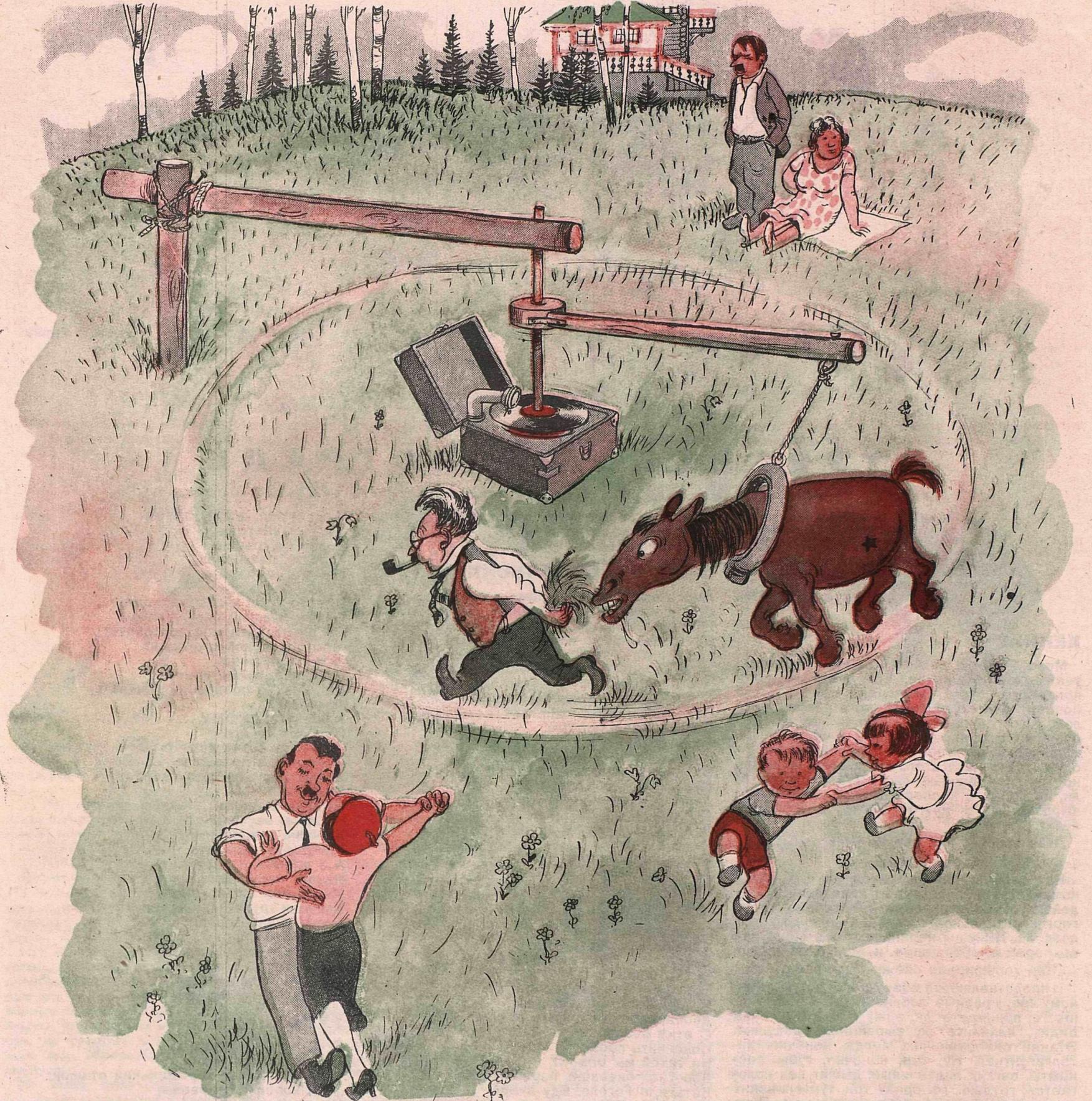
Повсюду расхлябанность, косность,
И дым, и зловонье, и чад.
И в иллюминаторах грязных
Нежданные весла торчат.

О, Лермонтов! Чудо легенды
Сквозит в описаньи твоём,
Но все же корабль твой мальчишка
Пред этим речным кораблем!

Цветник бюрократов завязяных,
Собрание болтливых Емель..
С таким кораблем водный транспорт
Торжественно сядет на мель.

КОНСКАЯ ТЯГА И ВЕСЕЛЬЕ ТРУДЯЩИХСЯ

Рис. М. Храпковского

На данном рисунке изображен проект художника М. Храпковского, как использовать скромную лошадиную силу для срочной поддержки направляемых в деревню скоропортящихся патефонных механизмов (на случай поломки пружин и вообще). Патефон вертится, трудящиеся танцуют, лошадь (*) ходит по кругу и тихо посмеивается над качеством продукции.

ВИЛЫ В БОК

ОБЪЕКТИВНОЕ ПЬЯНСТВО

К числу объективных причин, иногда мешающих нормальному функционированию мест общественного питания, прибавилась еще одна. Ясная, конкретная и наводящая на грустные размышления.

Так, в селе Курбы (Ярославск. района) на дверях чайной Дома крестьянина появилось следующее объявление:

Сегодня в виду пьянства чайная закрыта. Все приезжающие крестьяне могут входить с заднего хода. Завчайной Беляевский.

Помимо заднего, передний ход тоже можно было бы отключить на минутку, чтобы выбросить через него такого вводящего в заблуждение чайной.

СЕРЬЕЗНАЯ ПРИЧИНА

Техно - химический комбинат им. Фрунзе в Ленинграде уволил бондаря Иванова. Мы не знаем причины этого увольнения,

но в справке из канцелярии комбината, выданной Иванову, эта причина формулирована так:

„Уволен как здоровая сила“.

Повидимому, если Техно-химический комбинат решил оставить у себя только калек, то не иначе как для писания подобных справок. Нормальные люди для этого не пригодны.

СВЕРХПЛАНИРОВКА

И предусмотрительность должна иметь свои границы. Не учтя этого обстоятельства, Оргбю-

ро ЦК союза шоферов предложил в марте всем группкам срочно произвести учет работниц и служащих женщин, идущих в декретный отпуск по беременности во втором, третьем и ЧЕТВЕРТОМ квартале 1934 года.

Комментарии здесь, как это говорится, излишни. Так же, как и авторы таких распоряжений в Оргбюро союза.

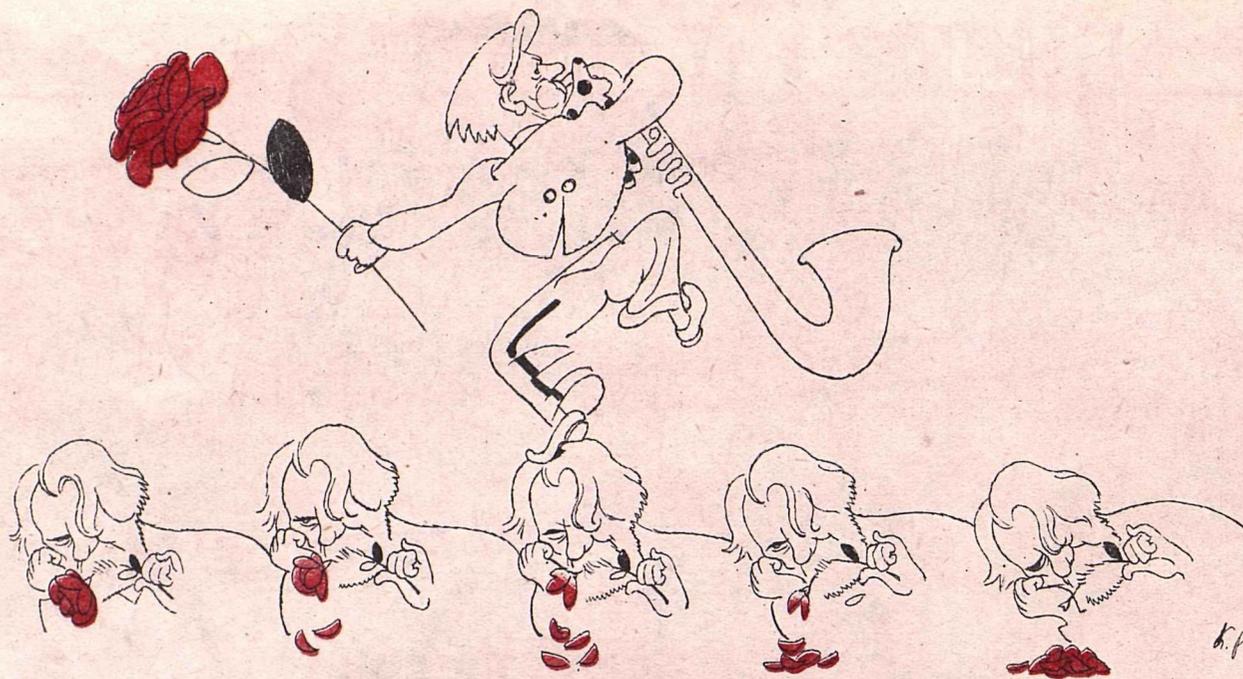
УВЕЛИ ТРАКТОР

Небольшой случай из жизни. И жизни довольно нехорошей. В газете «Уральский рабочий» тор-

помещено такое объявление:

21 марта 1934 г. с улицы Загвоздкина дома № 6 увезен неизвестно кем трактор „Фордзон“ №1022 принадлежащий ОРС'у СУРЭС.

Что такое СУРЭС — мы не знаем, но догадываемся. Наверное, условный знак для обозначения головоуловов, у которых во время посевной кампании из-под носа увести трактор.

ТУРГЕНЕВ НА ЭСТРАДЕ

(Как хороши, как свежи были розы... в передаче Хенкина, Смирнова-Сокольского и Утесова)

„Где-то, когда-то, давно-давно тому назад я прочел одно стихотворение. Оно скоро позабылось мною... Но первый стих остался у меня в памяти:

„Как хороши, как свежи были розы...“ Теперь зима; мороз запушил стекла окон; в темной комнате горит свеча...“ и т. д.

(И. С. ТУРГЕНЕВ. Стихотворение в прозе).

ХЕНКИН

Между прочим, должен вам прямо сказать, уважаемые граждане, что память у меня конкретно стала хреновая. Не то, чтоб совсем паморки отшибло, но в общем и целом, как говорится, — дырявая память. Вот прочитал стишки, а черти где и черти когда, хоть зарежьте, не помню. Но самое смешное — одна строчечка из этого стихотворения пристала ко мне, как банный лист. Куда, понимаете ли, не пойду, в кооператив или, извините за выражение, в другое место, а в голове зудит и зудит:

„Как хороши, как свежи были розы...“

Вы понимаете?

Вот, теперь, как говорится, зима. В нашей коммунальной квартире канализация не действует; электричество выключено, свечи горят; центральное отопление лопнуло; холод собачий. Жильцы нервничают. А я сижу, как архиерей в оранжерее, и мелодекламирую:

„Как хороши, как свежи были розы...“

И представляются моему, конечно, умственному взору разные соблазнительные картинки. То, понимаете ли, вижу я, будто у окна сидит, извините за выражение, девушка. Этаким симпомпончик! Морда, конечно, интеллигентная. Ну, там, конечно, губы раскрыты, взгляд задумчивый, дышит, как полагается, грудью. То сразу три тургеневских канашечки. Две чай пьют с печеньем „Пушкин“ и вроде как насмеваются с меня, а третья на пианино вальс задузыривает.

Другой, конечно, на моем месте подошел и прямо бы сказал: „Не желаете ли винограду „дамские пальчики“, могу по благу достать. Лопайте на здоровье!“ Или там еще какое конкретное жизнерадостное предложение внес. А я, понимаете ли, стою и ни мур-мур. Смелости нехватает. Молчу и, конечно, вздыхаю:

„Как хороши, как свежи были розы...“

Иван Иванович, сосед мой, говорит: „Ты, говорит, Вася (меня Васей зовут!). Ты, говорит, Вася, потому робеешь, что в тебе малокровие и обмен веществ. Ты, говорит, на витамины С налегай, опять же гравидан пей!“

А я, действительно, дорогие гражданочки, кашляю, как сукин сын, поясницу ломит, в ухо стреляет, можно сказать, одной ногой в крематорий смотрю.

А что касается гравидана, можете себе представить, определенно помогает. Один мой малокровный знакомый пил и безусловно помолодел, но между прочим помер. И самое

смешное, помер он жертвой транспортного движения, под трамваем.

А вы говорите — розы!

СМИРНОВ-СОКОЛЬСКИЙ

Много еще всякого хлама и трухи Среди нашей героической Житейской прозы.

Вот прочел я, не помню

Где и когда, стихи:

„Как хороши, как свежи были розы...“

Кто написал этот,

С позволения сказать, стишок,

Этот яркий образчик

Откровенной халтуры,

От которого прет

Стопроцентный душок

Буржуазно-капиталистически-

Мещанской литературы?

Дорогие товарищи!

Обидно до слез!!

В то время, как на дворе

Зима и морозы,

Когда надо решать

Дровяной вопрос,

Нам подсовывают какие-то

Феодальные розы!

В то время, как надо

О культуре кричать,

Бичевать обывателей,

Которые слона толстокожей,

Разве можно под

Барскими окнами торчать

И любоваться смазливой

Дворянско-помещичьей рожей?

С этим безобразием

Покончить пора!

Не такой мы момент,

Дорогие товарищи, переживаем!

Кстати, о Гоголе. Еду вчера

От Сокольников

К Тверской заставе трамваем.

Крик! Руганы! Гоморра! Содом!

Все, как угорелые, лезут в двери!

Что ж это делается?

Сумасшедший дом!

Кто это? Пассажиры

Или дикие звери?

Друг на друга рычат:

„Тумба!“ „Дурак!“

„От дурака слышу!“

„Идиот!“ „Дура!“

Мрак, товарищи!

Совершеннейший мрак!!

Где же она,

Эта самая культура?

Неужели мы через шестнадцать лет

Должны все начинать заново?

Гоголя на вас, окаянных, нет!

Да что Гоголя!

Пантелеймона Романова!!

Много еще, товарищи,

Хлама и трухи.

Разве можно воспевать

Дворянско-усадебные розы,

Писать какие-то

Несусветные стихи

В то время, когда кругом

Воруют завхозы.

Разве не стыдно

Торчать, как пенек,

Глазеть на паразитические

Русые головки,

Вместо того, чтобы написать

Обличительный раек

Об антисанитарном состоянии

Мостроповской столовки?

И вот, товарищи,

Как посмотришь вокруг

На таких, с позволения сказать,

Поэтов,

Хочется САМОМУ

Присесть и вдруг

Сочинить сотни две

Актуальных куплетов.

Хочется до хрипоты в горле

Кричать!

Чтоб речь моя

Набатов звучала!

Дорогие товарищи!!!

Хочется не кончать,

А с вашего позволения

Начать сначала:

Много еще всякого

Хлама и трухи

Среди нашей героической

Житейской прозы.

Вот прочел я, не помню

Где и когда, стихи:

„Как хороши, как свежи были розы...“

Кто написал... и т. д.

УТЕСОВ

С одесского кичмана,

С Тургенева романа

Я вычитал хорошенький стишок:

„Как хороши, стервозы,

Как свежи были розы...“

Теперь они истерлись в порошок.

Гляжу я с тротуара —

Сидит в окошке шмара,

Сидит себе, не шагает, не пьет.

Она в шикарном доме,

А я стою на стреме,

Любуюсь на нее, как адидет.

Ой, мама, моя мама!

Какая панорама!

Три барышни, глазенки, как миндаль.

Одна мне моргает,

Другая подморгает,

А третья нажимает на педаль.

И я во всех влюбляюсь,

Под окнами мотаюсь,

Хожу себе тудю и сюдой.

Хожу я и вздыхаю,

Тех розочек внюхаю,

Хоть я уже совсем не молодой.

С одесского кичмана,

С Тургенева романа

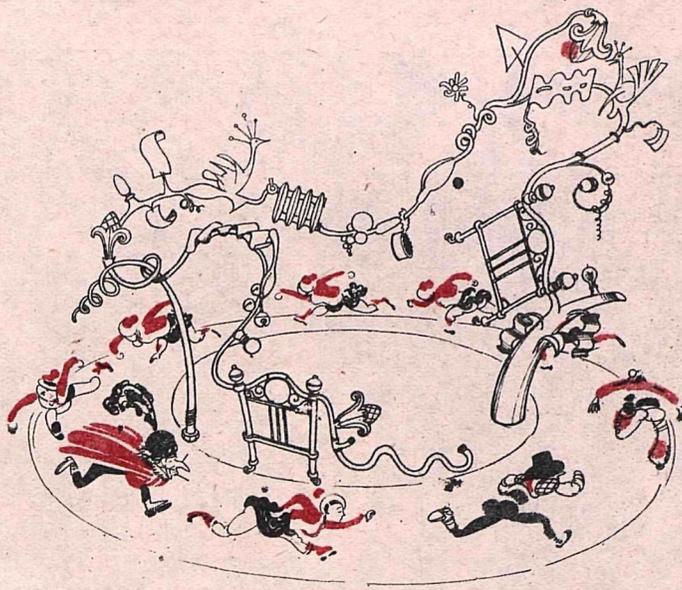
Я вычитал хорошенький стишок:

„Как хороши, стервозы,

Как свежи были розы...“

Теперь они истерлись в порошок.

А. АРХАНГЕЛЬСКИЙ

Заринов К. Ротов

„Севильский оболытитель“ сочинение Тирсо де-Молино в переделке Николая Михайловича Горчакова и Павла Александровича Маркова. Постановщик—Ник. Волконский. Директор ГОМЭЦ—Александр Морисович Данкин. Московский Мюзик-Холл).

На премьере «Севильского оболытителя» в Мюзик-Холле было два иностранных гостя—голландец и эстонец.

— Ну, как? — спросили гостей, когда в последний раз опустился шелковый занавес — гордость ГОМЭЦ.

— Плохо, — ответил голландец.

— Плохо, — сказал эстонец.

Других русских слов они не знали. Но большего и не надо было для определения художественных достоинств этого спектакля. Плохо, плохо и просто плохо.

Ну, что? Кричать, топая ногами, громко заявлять, что Мюзик-Холл не сумел дать Испании сегодняшнего дня, что не дал даже Испании вчерашнего или позавчерашнего дня, не вскрыл, не поднял на высоту, не ударил, не трахнул? Стоит ли? Не в этом дело. Мюзик-Холл — не Ком-академия.

Но почему было скучно, и взгляд все время направлялся к дверям, над которыми сверкали синие фонарики с надписью: «запасный выход».

Пожалуйста, не обижайтесь, — так было. Очень хотелось убежать домой, «на хаузе». Не пугала даже мысль о том, что придется возвращаться в трамвае. Лучше трамвай, чем красочное испанское действо в постановке Волконского. А городская железная дорога не такое уж приятное развлечение! Но все-таки там интереснее, больше красок, темперамента и веселой возни. Наконец в трамвае остряк удачнее, чем на сцене Мюзик-Холла. И стоит дешевле. Билет любого ряда от 10 до 20 коп.

Это — не беспринципная травля передового театра, это — не беспочвен-

ные наскоки, это — простая жалоба зрителя.

Зритель удивлен. Так любить эстраду и быть так обманутым!

Есть такое выражение — «положа руку на сердце». Так вот, положи руку на этот важнейший орган человеческого тела; можно сказать, что так разыграть спектакль, как это сделали в Мюзик-Холле, может всякий старательный драмкружок.

Это было не профессионально. На сцене все занималось не своим делом. Драматический актер Мартинсон пел, танцовщица Чернышева говорила. И также пела. Актер Тенин, который умеет и говорить и петь, главным образом бегал.

В неиспаланных им природой рамках удержались только Лепко и Бургов. Спасибо вам, товарищи, за тактичное поведение!

Даже зрители, зараженные дурным примером, делали не то, что им полагается. Вместо того чтобы смиренно сидеть на своих местах, они подымались и уходили из театра.

Дорогой Мартинсон, вас все любят. Но не пойте. Это комнатное пение. Так поют инженеры, техники, ответ-работники, портники, художники, электромонтеры на своих стремянках, рыболовы — у тихих речек, личные секретари, отдельные дворники и все соседи по большой коммунальной квартире.

Дорогая Чернышева, помните, было такое время, вы танцевали? А теперь вы вдруг заговорили. Не отбивайте хлеб у народной артистки Блюменталь-Тамариной. И не пойте, не отбивайте хлеб у народной артистки Неждановой. Танцуйте. Отбивайте, по мере сил, хлеб у народной артистки Гельдер. Вот это, действительно, будет величественное зрелище.

Глубокоуважаемый и дорогой Тенин, вам, наверно, хотелось играть, говорить смешные слова, но вас заставили бегать. А слов вам не дали, реплики всевычеркнули. Худо вам

пришлось. Ох уж этот Волконский. А еще из Малого театра, из дома Щепкина! Он всех заставил бегать в мудром предвидении, что если «Севильский оболытитель» и провалится, то уж во всяком случае все участники спектакля блестяще сдадут норму на значок «ГТО».

Эта беготня и была главным художественным приемом режиссера. Когда артисты убежали со сцены, зритель испытывал неподдельную радость. Но беда в том, что они сейчас же прибегали назад. Кроме того, сцена все время вертелась. Очевидно, только по той причине, что она вертящаяся, — других причин не было.

Стыдно, живя в одном городе с Мейерхольдом и Станиславским, заманивать московского зрителя, приученного к блестящим работам советского театра, на спектакль однообразный, утомительный, не талантливый. В текстильной промышленности изделия такого сорта помещают в витрине брака с унизительными и самобичующими объяснительными надписями.

Кстати, о текстиле. Давно не случилось видеть таких некрасивых, даже уродливых костюмов, как в «Севильском оболыттеле». Можно подумать, что их шили по эскизам управляющего делами какого-нибудь швейного треста, человека занятого преимущественно сочинением так называемых цифровых данных и докладных записок. Так что, глаз страдал наравне со слухом.

Особенно беспомощным казалось это рядом с точной, полной стремительности и ритма работой Лос-Амбатос на трапециях, работой чистой и профессиональной. А наверно были покушения со стороны постановщика заставить их петь или декламировать изодранный в клочья текст Тирсо де-Молино.

Была сделана попытка прикопать к испанскому действу Смирнова - Сокольского. Но ему удалось отбиться. Смирнов-Сокольский вышел на сцену,

как ему и полагается, в бархатной толстовке и с пышным козьма-прутковским бантом на шее.

Сокольский — весьма популярный представитель эстрадного фельетона, но за ним числится прешок. Он всегда остряк насчет того, что писатели получают гонорар.

Николай Павлович, писатели всегда получают гонорар. И будут получать до тех пор, пока не отменят деньги. И ничего ужасного здесь нет. Вы ведь тоже, Николай Павлович, получаете гонорар за работу. И мы не остряк по этому поводу. Получайте на здоровье, что тут смешного!

Жалоба кончается.

Артисты и вообще люди, близкие к театру, ужасно любят, когда их называют по имени-отчеству. Ну, просто обожают. Ругай его, вскрывай его корни, делай с ним, что угодно, но называй по имени-отчеству. Это как-то смягчает удар, вносит в дело какую-то такую уважительность.

Николай Михайлович! Павел Александрович! Ну зачем вы переделывали Тирсо де-Молино для эстрады? Ну что вам сделал Тирсо Федорович? Это, наконец, не в традициях МХАТ. Что скажут Константин Сергеевич с Владимиром Ивановичем? Неудобно! Что подумает Антон Павлович?

Александр Морисович! Вы же — покровитель искусств, старый работник цирка. Неужели долгая совместная работа со львами, тиграми и другими гадами не приучила вас к осторожности? Александр Морисович! Как это у вас театр оказался без актеров? Ах, как вышло нехорошо! Некрасиво вышло!

ХОЛОДНЫЙ ФИЛОСОФ

11930 ОБЫЧНЫЙ СЛУЧАЙ В ТРЕТЬЯКОВСКОЙ ГАЛЛЕРЕЕ

История преподается у нас плохо и схематично. Советские учебники выбрасывают весь живой материал в своем походе против царей и королей.

(„Правда“)

Рис. А. Радакова

АРХИВ

31 MAR 1934

Г. Ц. К. Д.

— А это что за несчастный случай?

— Это, ребята, представитель начинавшего складываться в XVI веке самодержавно-бюрократического порядка убивает своего знатного феодального слугу, с которым он, вообще говоря, боролся за централизованное государство, ибо только оно могло укрепить столь нужный для нарождавшегося торгового сословия (и передовых феодалов) национальный рынок.